

Т. Князева,
журналист

Гребнево

Гребнево.
Триумфальная
арка.

Эта история началась четыре года назад. В один из весенних дней в редакцию пришла женщина и попросила помочь ей в поисках архивных и исторических материалов о подмосковной усадьбе Гребнево.

Мы познакомились. Лилия Львовна Бецкая оказалась человеком, крайне заинтересованным в судьбе памятника.

— Коли мы теперь хозяева, то должны в первую очередь знать историю Гребнево. Я обошла несколько библиотек, но, кроме общих путеводительских строк, ничего не обнаружила, — озабоченно говорила она. — А так хочется создать хотя бы уголок, рассказывающий о жизни этой старинной усадьбы.

Такой подход общественницы к делу сразу же вызвал симпатию, и мы отослали Лилию Львовну к известному московскому историку — краеведу Юрию Борисовичу Шмарову.

Через несколько дней Юрий Борисович звонил в редакцию:

— Материалов о Гребневе осталось немного, кое-что у меня нашлось, дал Бецкой почитать, в частности, статью Г. Лукомского из журнала «Столица и усадьбы». Только что толку, ведь есть предложение устроить в усадьбе профилакторий. Вот если бы ее возродили для культурных целей — это дело! История-то у усадьбы богатейшая...

И действительно, история Гребнева уходит своими корнями в глубокую древность. Сведения о ней прослеживаются с XIII века, когда Иван Калита одаривает землями по реке Любосивке ордынского князя Чета, перешедшего к нему на службу. Несмотря на то что ордынский князь принял православную веру и стал зваться Захарием, вотчина продолжительное время именуется Четрековской.

Когда Четрековское было переименовано в Гребнево, трудно сказать, точных сведений на этот счет не сохранилось. Но по писцовым книгам XVI века владения на Любосивке уже именуется Гребнево. Бытующая в народе легенда связывает новое название с иконой Гребенской Богоматери, подаренной Дмитрию Донскому после победы над татарами жителями городка Гребня на Дону.

Много хозяев перевидало Гребнево на своем длинном веку: Воронцовы, Бельские, Трубецкие, Голицыны. Все они из ряда известных дворянских фамилий, оставивших заметный след в культурной жизни России. Многие из усадеб, принадлежащих этим богатейшим представителям дворянства, сохранились до настоящего времени и являют собой уникальное архитектурно-художественное наследие.

Если говорить о подмосковных усадьбах, то можно отметить, что своеобразие их архитектуры было обусловлено особенностями исторических условий России конца XVIII — первой половины XIX века — времени создания большинства сохранившихся усадебных ансамблей. Их владельцы, как правило, крупные помещики, имели своих крепостных зодчих и художников, и именно самобытное художественное дарование народных мастеров предопределило в значительной степени неповторимость, особый колорит и своеобразие, характерные для усадебных ансамблей. Даже в том случае, если проекты загородных усадебных зданий составлялись профессиональными архитекторами или иноземными мастерами, то и тут никак было не обойтись без

местного крепостного зодчего, которому приходилось непосредственно воплощать этот проект. И вполне естественно, что крепостные мастера-зодчие в общий художественный облик усадебных комплексов приносили что-то свое и тем самым придавали им характерно русское национальное звучание. Одна из характерных особенностей архитектуры подмосковных усадеб — это ее слитность с окружающей природой, их гармоничное соединение.

Все эти черты особенно тонко отразились в архитектуре Гребневского усадебного комплекса. Привольно и естественно расположился он на возвышенном берегу небольшой, но очень живописной речки Любосивки, словно слился с окружающими его лесами, полями, синееющими даями нашей срединной России. Смотришь на гребневские строения и понимаешь, что по своему рангу эта усадьба приближается к знаменитым ныне Кускову или Архангельскому, только ей менее повезло с сохранностью. Но очевидно одно — реставрация Гребнева прибавит к числу известных усадеб еще одну, которая несомненно станет украшением Подмосковья.

Торжественная, строгая красота Гребнева ощущается и сегодня, едва вступаешь в Триумфальные ворота, построенные по образцу римских. Их центральная арка с двумя боковыми проходами, широким антаблементом и римско-дорическими колоннами задают тон всей планировке усадьбы. «Сам парадный двор уподобляется своего рода римскому форуму, в глубине которого стоит главный трехэтажный дом с торжественным шестиколонным портиком. Одноэтажные галереи с боковыми купольными павильонами подчеркивают его масштаб. Архитектуре дома вторят два двухэтажных флигеля с пилястровыми портиками. В XVIII веке в первом павильоне помещался театр, а флигели служили хлебными амбарами. Как видно, утилитарное начало соединилось здесь с широтой художественного замысла» — так пишет о Гребневе известный исследователь и знаток Подмосковья М. А. Ильин.

О великолепии усадьбы говорит и сохранившаяся анфилада комнат в главном усадебном доме с центральным двухсветным залом, каминная, парадная трехмаршевая мраморная лестница в вестибюле, детали лепных украшений.

Архивные источники сообщают, что первые каменные строения в усадьбе Гребнево появились в XVII веке при Трубецких, владевших имением полтора столетия, с 1618 года, когда князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой получает его в качестве приданого своей невесты — дочери Воронцовых. Но основное лицо

усадебь сложилось при Бибиковых, последующих владельцев Гребнева. Об облике имения и о жизни его тех лет можно судить по воспоминаниям внучки Гаврилы Ильича Бибикова: «Дом там был огромный, каменный, окруженный большими садами, среди которых были выкопаны огромные пруды с несколькими на них островами, а на островах также разбиты сады и выстроены беседки... У дедушки в селе Гребневе выстроен был в саду театр со сценой... Играл оркестр, давались балеты».

Но, пожалуй, самую главную роль в развитии усадьбы сыграл другой хозяин — Александр Михайлович Голицын, по распоряжению которого она была полностью реконструирована в стиле ампира. Работы велись по проекту архитектора Н. И. Дерюгина в период с 1817 по 1823 годы. Отдельные сооружения были перестроены, другие созданы вновь. Именно Дерюгин оформляет въезд в имение, создает на месте прежних, псевдоготической архитектуры ворот — парадные, дополняет весь комплекс двумя кирпичными одноэтажными зданиями, к скотному двору и каретному сараю прибавляет конный двор.

Если представить себе, что усадьбу окружал роскошный регулярный липовый парк с огромным прудом посередине, с восьмью островами, на которых парк переходил в пейзажный со звездчатой системой аллей, то можно заключить, что на воссоздание и реставрацию этого богатейшего природно-архитектурного комплекса не стоит жалеть ни сил, ни средств.

В целом почти все постройки усадьбы сохранились до нашего времени, утрачен только скотный двор, кирпичная ограда парка, пришел в запустение парк, обмелели пруды, то есть на всем комплексе лежит патина запустения. И не мудрено, что с 1839 года, после смерти А. М. Голицына, когда брат умершего — Сергей Михайлович продает усадьбу, она начинает переходить из рук в руки, только чудом сохраняя характер и стиль.

Новые владельцы чего только не устраивали в Гребневе! Один из них — промышленник Пантелеев даже додумался приспособить усадьбу сразу под два завода: во дворце разместил купоросный, а в большом флигеле — винокуренный завод, маленькие флигели тоже получили новое назначение — арестантская и трактир.

Перед самой революцией очередной владелец доктор Ф. Гриневский устраивает в усадьбе санаторий, разбирает скотный двор и на его месте возводит больничный комплекс. Автором проекта и наблюдателем строительства был архитектор М. Д. Быковский.

И в наше время не везло усадьбе. Была она и санаторием, и больницей, и учебным заведением, и общежитием. Но никто из арендаторов так и не стал настоящим хозяином. Усадьбе угрожало полное разрушение, пока в 1960 году ее не оградили от нерадивых хозяев, и не поставили усадьбу как памятник архитектуры XVIII—XIX веков под охрану государства.

Усадьба была поручена заботам и опеке Ильи Самойловича Фрадкина, которого так прямо и называют — директор, хотя пока официально такая должность и не проведена. Во всяком случае именно Фрадкин занимается обустройством всего гребневского комплекса: заключает договоры с реставраторами, ведет наблюдение за их работами, приспособливает помещения для временных нужд организации. Поначалу Илья Самойлович настороженно отнесся к идее культурного центра в усадьбе. Но прошло время, и Фрадкин тоже стал сторонником использования усадьбы в культурных целях. И его убедила сама жизнь.

Культурный центр Щелковского района расположить в усадьбе Гребнево... Кому первому пришла эта мысль, сейчас трудно сказать, да это и неважно. Главное, эта идея давно витала в умах местных жителей: краеведов, учителей, библиотекарей, инженеров — словом, у всех, кто хоть немного знал историю усадьбы. И общественность стала хлопотать об использовании Гребнева под культурный центр. Это значило, чтобы в театральном флигеле мог давать спектакли самодеятельный театр или приглашенные труппы, в двухсветном зале с прекрасной акустикой можно было послушать выдающихся солистов, музыкантов, в каминной встретиться с писателями, поэтами, в другом флигеле, планируемом под библиотеку, поработать в читальном зале, а в каретном сарае создать конно-спортивную секцию для молодежи.

Нелегко было перестраиваться под нажимом общественности. Но надо отдать должное Владимиру Николаевичу Уласюку — человеку решительному, понимающему толк в родной истории, — он первым одобрил инициативу общественности. Поддержали ее и члены партийного бюро и профсоюзного комитета. Все они поднялись выше узковедомственных интересов: культурный центр для всего района — разве это не почетно! И решение было принято. Правда, при этом приходилось все-таки думать и о профилактории, он был нужен, и его организация не снималась с повестки дня. И тогда той же ответственностью был предложен выход — взять в аренду и больничный комплекс, построенный архитектором Быковским. Согласиться на это было нелегко, потому

что Мособлздравотдел — довел его до руинного состояния. Но другого выхода не было, и ходатайство о присоединении большого комплекса к усадьбе Гребнево пошло в Московское областное управление культуры. Здесь сразу же с одобрением отнеслись к просьбе, можно было только порадоваться, что все гребневские строения, и ранние и поздние, объединятся.

Большую помощь в реализации этой идеи оказал заместитель председателя Мособлисполкома Николай Кузьмич Корольков.

Между тем, пока кипели «страсти», потихоньку подвигалась работа по созданию мемориально-исторического уголка усадьбы. Л. Л. Бецкая по крупицам собирала материалы об усадьбе, и вскоре составила интересная летопись жизни Гребнева, в которой прояснились многие полузабытые ее страницы, обнаружилось многие интересные факты и события.

Как уже известно, имением долгое время владел род Трубецких. Один из них — князь Дмитрий Тимофеевич вошел в историю Отечества. Соборная грамота 1613 года рисует Дмитрия Тимофеевича наряду с князем Пожарским подлинным героем, освободителем от польской интервенции. Именно князь Трубецкой, собрав ополчение, выгоняет поляков из Кремля и Китай-города, за что получает почетный титул «Спаситель Отечества».

Другая владелица Гребнева — Анна Даниловна Трубецкая (в первом браке Хераскова) была матерью известного во второй половине XVIII века поэта М. М. Хераскова, автора знаменитой эпической поэмы «Россияда», рисующей завоевание Казани Иваном IV. Гребнево этого времени собирало большой круг передовых людей столицы. Здесь устраиваются большие литературные собрания, домашние спектакли, собираются музыканты, художники, профессора Московского университета. Среди имен — Державин, Дмитриев, Жуковский, Богданович, Радищев. Гавриил Романович Державин посвящает М. М. Хераскову стихотворение «Ключ», в котором вспоминает о прозрачном студеном роднике гребневского парка. Вот эти строки:

*...Сгорая стихотворства страстью,
К тебе я призожу, ручей:
Завидую пиита счастью,
Вкусившего воды твоей.
Парнасским лавром увенчанна,
Напой меня, напой тобою,
Да воспою подобно я,
И с чистою твоей струею
Сравнится в песнях мысль моя,
А мирный глас с твоим стремленьем.*

*Да честь твоя пройдет все грады,
Как эхо с гор сквозь лес дремуч:
Творца бессмертной «Россияды»,
Священный Гребневский ключ,
Поил водой ты стихотворства.*

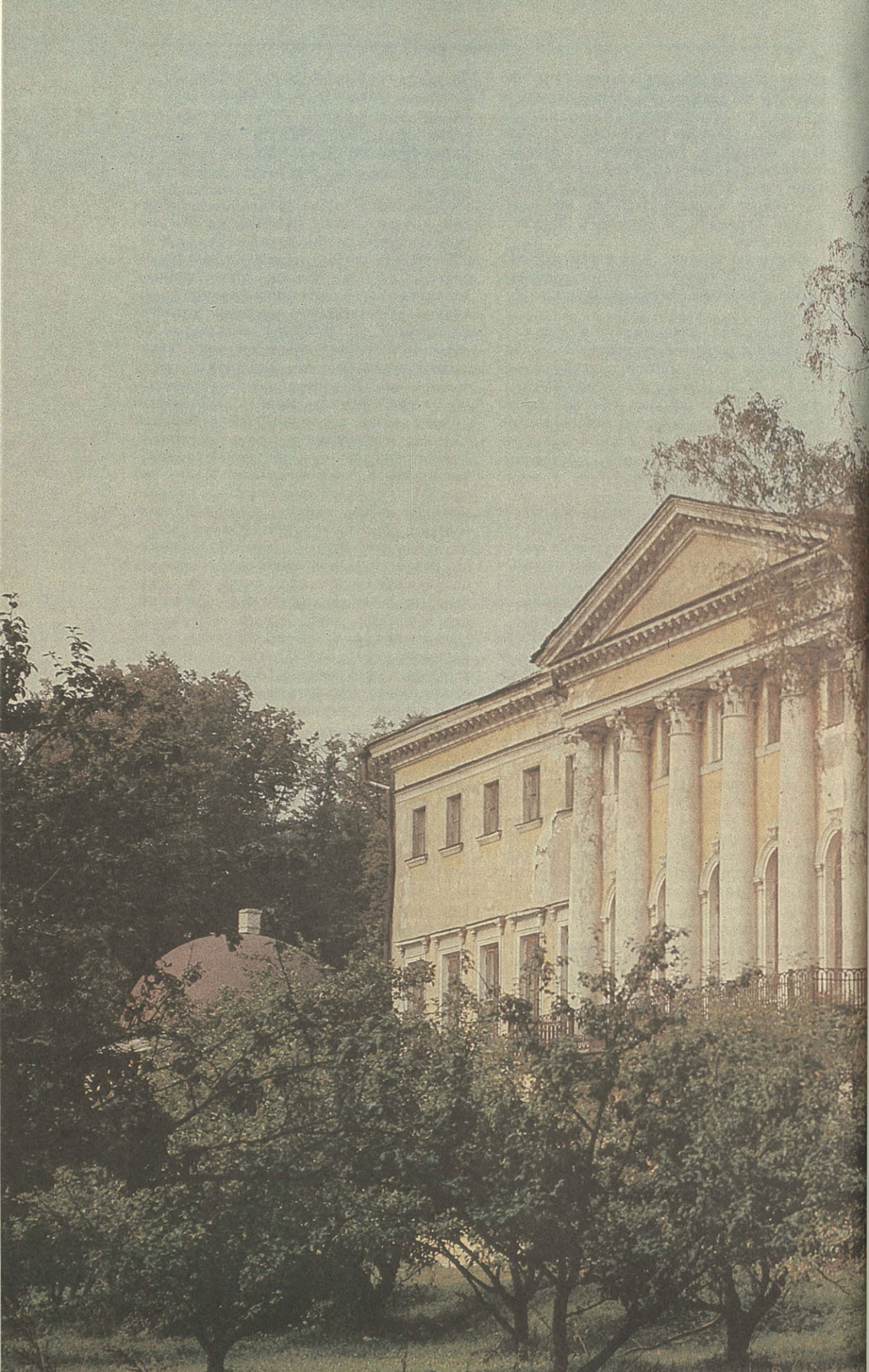
Херасков — душа гребневских собраний — долгое время был связан с Московским университетом, являлся его куратором, то есть он был не только известным поэтом, но и крупным общественным деятелем своего времени. Сохранившееся письмо удивительного русского учено-агронома А. Т. Болотова, в котором он рассказывает приятелю о встрече с Херасковым, интересно тем, что рисует живой облик поэта, помогает представить атмосферу гребневского салона. «...Херасков принял меня не только без малейшей гордости и спеси, но так снисходительно, с такой ласкою и с таким благоприятием, что я даже удивился. И как, по счастью, случилось мы одни, то, посадив меня подле себя, начал со мною наиласковейшим образом говорить. Он сказывал, что я ему уже давно знаком по сочинениям и что он желал знать меня лично и познакомиться и теперь очень тем доволен. Потом так хвалил все мои сочинения, что мне было даже стыдно. Предлагал свое дружество и просил вступить с ним в ученую переписку. Словом, он так меня заговорил, что я весь вечер провел с отменным удовольствием, и как он хотел, чтоб я у него и отужинал, то нимало тому не противился».

Частым гостем усадьбы был выдающийся просветитель и книгоиздатель Николай Николаевич Новиков, приезжавший сюда запросто на правах родственника Трубецких. Это было время, когда Николай Николаевич выпускал свои сатирические журналы «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», в которых бичевал помещичий произвол, обвинял во взяточничестве государственных чиновников, рассказывал о страданиях крепостных земледельцев. Несомненно, вопросы, столь волновавшие Новикова, были обсуждаемы в гребневских собраниях.

Следует отметить, что при Трубецких в селе Гребнево появились первые ткацкие станы. Указ 1769 года разрешил крестьянам заниматься промышленной деятельностью, и 15 гребневских крепостных первыми в России получили в мануфактурной коллегии право на производство «разных шелковых материй и платков».

В 1781 году Трубецкие продают имение Гавриилу Ильичу Бибикову. Просматривая материалы по этому периоду, а Бибиковы владели усадьбой до 1811 года, Бецкая находит два интереснейших факта, относящихся к культурной жизни

Гребнево.
Главный дом
усадьбы

Гребнева. Они описаны в неизданной рукописи ныне покойного архитектора М. С. Баева, который глубоко изучил историю Гребнева. Оказывается, что знаменитый танцмейстер той поры П. А. Иогель, хорошо знакомый нам по роману Л. Н. Толстого «Война и мир», начинал свою деятельность в России с постановок балетов в Гребневе. Именно Г. И. Бибиков, очень заботящийся о собственном театре в усадьбе, пригласил из Франции Иогеля.

С Гребневым была тесно связана жизнь известного русского композитора Даниила Никитича Кашина. Он был крепостным Бибиковых и являлся организатором и дирижером гребневского оркестра. Впоследствии, получив вольную, Кашин многое сделал для развития русской музыкальной культуры. Он выступал в качестве пианиста, скрипача, дирижера, педагога, собирателя и пропагандиста русских народных песен. Им были написаны несколько опер, увертюр, а в дни Отечественной войны 1812 года его патриотические гимны пользовались большой популярностью. Гребнево — свидетель детства и молодости композитора.

Архив Голицыных, владевших усадьбой с 1811 по 1843 год, дал возможность проследить те изменения, которые были внесены в имевшиеся сооружения, а также точно указывает на новые постройки этого времени. Становится известным, что, кроме архитектора Н. И. Дерюгина, в строительстве усадьбы принимали участие — А. О. Жиллярди, Д. И. Жиллярди, А. Н. Воронихин, И. И. Ольделли.

Новые материалы показали глубокие культурные, исторические традиции этого прекрасного архитектурно-природного комплекса, подтвердив тем самым, что лучшего назначения для Гребнева как стать культурным центром — не может быть.

...Мягкий декабрьский день кануна 1984 года. Белые хлопья снега окутали усадьбу, как-то особенно проясняя ее заданность и теплоту на фоне небольшой деревушки, заснеженных прудов и парка. Мы — сотрудники редакции вместе с председателем редакционного совета альманаха, академиком И. В. Петряновым и художественным руководителем оркестра «Боян», заслуженным артистом РСФСР А. И. Полетаевым — гости Гребнева. Илья Самойлович Фрадкин гостеприимно распахивает двери дворцового дома. Мы поднимаемся по мраморной трехмаршевой лестнице на второй этаж и попадаем в анфиладу комнат. Они великолепны — светлые, огромные, радостные. Поражает и зал, хоть реставраторы и одели его уже в леса, но свет, свободно льющийся с двух

сторон, даже теперь производит впечатление. В каминной ощущение уюта, покоя, ее окна как-то душевно смотрят в парк, охватывая всю панораму прудов, Любосивки и уходящих вдаль лесов.

— Мы не утерпели и до начала реставрации провели здесь несколько культурных мероприятий, — рассказывает Лилия Львовна.

В двухсветном зале дал концерт народный артист СССР А. Эйзен. Надо сказать, он по достоинству оценил акустику зала, сказал, что петь здесь — одно удовольствие. Выступал у нас и ансамбль русской народной музыки под управлением Д. Покровского. В парадных комнатах состоялись вернисажи детского творчества, выставки художников.

Воображение подсказывало каждому из нас, как ожил дом во время этих мероприятий, засветился огнями, задышал...

Словно угадывая наши мысли, Лилия Львовна продолжала:

— Если бы вы видели, каким успехом пользовались эти встречи, у нас перебивало тысячи людей, столько оставлено доброжелательных отзывов...

Это начало вдохновило общественность. А может, продолжить в усадьбе культурную работу, несмотря на реставрацию? Предложение внесла Нина Алексеевна Чащихина:

— Пока суть да дело, давайте организуем такой клуб, члены которого занялись бы разными изысканиями из истории Гребнева, и назовем его «Историк»?!

Идея понравилась. Н. Желябовская, И. Немиро, Н. Маслова, А. Курчакова — инициативная группа общественности, со старанием взялись за дело, и вскоре клуб «Историк» развернул свою работу. Во флигеле центрального дома проходят постоянные его заседания, читаются лекции, приглашаются интересные люди. На заседаниях обобщаются вновь собранные материалы об усадьбе. Члены клуба держат на примете людей, к которым попали предметы быта, мебель, распоряданная последними владельцами Гребнева. После реставрации усадьбы многие согласны передать эти вещи в дар культурному центру. Наглядный результат работы клуба — мемориальный уголок, о котором так хлопотала Бецкая. Он размещен в кабинете И. С. Фрадкина. Пока его экспонаты просты и непритязательны, в основном стенды с фотографиями, на которых виды усадьбы, снимки выдающихся людей, бывавших здесь, но все выстроено так, что история Гребнева хорошо прослеживается.

Осмотрели мы и церковный участок с некрополем. Хоть он и находится за пределами усадьбы, но несомненно составляет единое целое с ее постройками.

ми. Легкий и грациозный летний храм был сооружен учеником архитектора Карла Бланка И. Ветром в 1786—1791 годах. Он необычен для архитектуры классицизма — крестообразный в плане объем с вписанным овалом центральной части. Его небольшая главка, четырехколонные портики, купол с люкарнами придают необычайную стройность силуэту храма.

В отличие от летней зимняя церковь подчеркнута торжественна и строга. Она представляет редкий тип, повторяющий древнюю форму храма «иже под колоколы», когда собственно церковь увенчивается колокольней. Она построена в начале XIX века по проекту архитектора А. Н. Воронихина.

После показа усадьбы хозяева пригласили нас осмотреть близлежащие окрестности. Миновав деревушку, мы вышли к больничному городку, из-за которого разгорелся сыр-бор. Зрелище было печальное: полуразрушенные дома зияли пустыми пролетами окон и дверей, кругом царил разруха и запустение. Илья Самойлович грустно сказал:

— Да, неприглядная картина... Неужели не спросили за все это?

Вопрос был болезненным. Спрошено ли с нерадивого арендатора и как?

На обратном пути Лилия Львовна повела нас через парк. Снег продолжал падать и почти скрывал легкую незаметную тропинку. Ближе к усадьбе она совсем свернула с дорожки и, проваливаясь в снег, устремилась к небольшому лугу, который начинался шагах в пятидесяти от нас. «Здесь», — сказала она и поманила нас к себе. Мы осторожно приблизились, не понимая, в чем дело. Лилия Львовна улыбалась: «Вот под этим снегом — знаменитый гребневский ключ, о котором писал Державин!» Мы наклонились к почерневшему, набухшему водой снегу, прислушались, но нет, движение его не донеслось до нас, слишком

слежался наст над ключом, но по всем приметам вокруг было ясно, что он жив и дышит. «Летом можно из ключа и воды испить, что многие и делают. Говорят, дает вдохновение... А может, потому мы все здесь и прониклись поэтическим настроением — возродить для современников былую красоту усадьбы?!» — шутила Бецкая.

Когда мы собрались за «круглым» столом в уже приспособленном для заседаний флигеле, как раз в том самом, где теперь заседает клуб «Историк», Игорь Васильевич Петрянов обратился к хозяевам:

— Хорошее дело вы затеяли. Поверьте, превращение усадьбы в культурный центр потребует много сил и энергии, но и сторицей окупится. Я надеюсь, что ваш пример станет заразительным для других районов Московской области, где еще немало пустующих и бесхозных памятников.

Не остался в стороне и Анатолий Иванович Полетаев:

— А я как руководитель и главный дирижер оркестра «Боян», к тому же член музыкальной секции городского отделения Общества охраны памятников могу помочь в пропаганде музыкального наследия, предположим, дать концерты из произведений Рахманинова, Глинки, можно разыскать произведения Кашина и специально для Гребнева подготовить программу.

...Уезжали мы вечером. Подморозило. На небе перемигивались звезды, озаряя своим неярким декабрьским светом темную, без единого освещенного окна усадьбу. Но нам всем, и гостям, и хозяевам, после жарких бесед и разговоров она виделась совсем другой — возрожденной и отреставрированной, сияющей огнями всех своих залов и парадных комнат, в которых — и выставки, и музыкальные концерты, и литературные встречи...